Разсказы объ Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I.

I.

Отъ покойнаго сенатора Александра Александровича Башилова я слышалъ въ 1834 г., въ Москвѣ, слѣдующій разсказъ:

Вскорѣ по восшествіи Павла I на престолъ или же въ день коронаціи его—не припомню, но скорѣе полагаю, что въ день коронаціи—когда Павелъ I былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, дежурными при немъ камеръ-пажами были Башиловъ и Паскевичъ (Иванъ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ). Императоръ съ притворно-строгимъ видомъ говоритъ имъ: „Вы не по формѣ одѣты".—Они такъ и обомлѣли.—„У васъ нѣтъ въ обмундировкѣ того-то и того-то".—О радость! Они поняли, что недостававшее означало производство ихъ въ прапорщики л.-гв. Преображенскаго полка и бросились цѣловать руки государя. „Ну, бѣгите скорѣе одѣваться—прибавилъ онъ". Когда же они позже пришли являться ему въ офицерской формѣ, Павелъ I снова сказалъ имъ: „Вы опять таки не по формѣ одѣты"!—и снова новые прапорщики перепугались.... „У васъ аксельбантовъ нѣтъ!" (т. е. флигель-адъютантскихъ), прибавилъ Павелъ I—и снова радость новыхъ флигель-адъютантовъ, и снова бросились они цѣловать руки Императора.

Какая разница однако въ карьерѣ ихъ: Паскевичъ умеръ генералъ-фельдмаршаломъ, княземъ Варшавскимъ и графомъ Эриванскимъ, а Башиловъ—сенаторомъ московскихъ департаментовъ сената, непремѣннымъ членомъ московскаго англійскаго клуба, шутникомъ и разскащикомъ!

II.

Кому не извѣстно, что даже при такомъ строгомъ государѣ, какъ Павелъ I, было множество шутниковъ и забавниковъ, которые продѣлывали пресмѣлыя шутки, какъ напримѣръ извѣстный Вакселъ, побившійся объ закладъ, что онъ въ театрѣ, въ царской ложѣ, стоя за спиной Павла I, погрозитъ лицамъ, державшимъ пари. косою его—и выигралъ закладъ (о чемъ было уже разсказано въ „Русской Старинѣ"). Вотъ, между прочимъ, что я слышалъ отъ покойнаго товарища моего по гвардейскому генеральному штабу, штабсъ-капитана князя Димитрія Ивановича Цицианова (умеръ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ), въ 1829 году.

Разъ, на вахтъ-парадѣ, какъ тогда назывался разводъ, въ іюлѣ или августѣ, одинъ изъ офицеровъ, которые, одинъ за другимъ, должны были подходить къ Павлу I и рапортовать ему, салютуя эспонтономъ, исполнилъ это въ слѣдующихъ стихахъ, по одному при каждомъ темпѣ:

Полно тебѣ служить, государь!
То повышай (1-й темпъ—подвысь)
То понижай (2-й темпъ—опусти)
Сентябрь на дворѣ, } (3-й темпъ,—вспонтономъ въ обѣ руки).
Въ отставку подамъ, }
Прощай! (на лѣво кругомъ маршъ).

Какія были послѣдствія—неизвѣстно. Не былъ ли это весьма извѣстный также проказникъ временъ Павла I, Копьевъ (отецъ того, который, командуя полкомъ на Кавказѣ, при графѣ Воронцовѣ, былъ несправедливо оклеветанъ и преданъ военному суду, о чемъ было подробно разсказано въ „Русской Старинѣ"). Копьева-отца я самъ зналъ, еще въ 1820-хъ годахъ: у него было имѣніе недалеко отъ Царскаго Села, называвшееся Селомъ Никольскимъ или Плитная ломка. Этотъ Копьевъ, при Павлѣ I, за проказы былъ, кажется, разжалованъ имъ въ солдаты и сдѣлалъ себѣ всю солдатскую форму тогдашняго времени въ увеличенныхъ, чуть не вдвое, размѣрахъ, именно: огромные шляпу, мундиръ, перчатки съ крагенами и ботфорты, и стоя въ такомъ нарядѣ на часахъ, при проходѣ Павла I, отхватилъ ему на караулъ также необыкновеннымъ образомъ. Я слышалъ это отъ многихъ, читалъ потомъ и въ печати, но за достовѣрность ручаться не могу, и какія были послѣдствія—не знаю. Но, судя по выходкамъ Вакселя и многихъ другихъ, это могло быть вѣроятнымъ. Павелъ I самъ, въ хорошемъ расположеніи духа, не сердился особенно за такого рода проказы, имѣвшія въ виду только шутки.

Въ подтвержденіе этого могу привести еще два разсказа. Одинъ я слышалъ отъ покойнаго пріятеля моего, Александра Павловича Башуцкаго, слышавшаго этотъ разсказъ отъ отца своего, при Павлѣ I служившаго въ гатчинскихъ войскахъ, потомъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку, и умершаго генералъ-адъютантомъ и с.-петербургскимъ комендантомъ. Когда Павелъ I жилъ въ Петербургѣ, въ нынѣшнемъ Инженерномъ замкѣ, то вахтъ-парады въ его присутствіи происходили, въ хорошую погоду, на площади этого замка. На вахтъ-парады обыкновенно собиралось много простаго народа и — собакъ. Ни перваго, ни послѣднихъ никто не смѣлъ отгонять и они свободно тѣснились, народъ—позади, а собаки—впереди Павла I. Къ простому народу Павелъ I былъ всегда ласковъ и когда войска на вахтъ-парадѣ строились для прохожденія мимо него, онъ тростью своею слегка отодвигалъ народъ, говоря: „Прошу отодвинуться немного назадъ", затѣмъ, взявъ трость свою подъ лѣвую мышку и снявъ съ правой руки перчатку съ крагенами, вынималъ изъ праваго кармана своего куски хлѣба и подчивалъ ими тѣснившихся къ нему собакъ. Когда же войска уже подходили, онъ слегка отгонялъ собакъ тростью, говоря: „Ну, теперь ступайте", и собаки, понимая это и получивъ свою подачу, сами собою удалялись.

Другой разсказъ я слышалъ отъ полковника л.-гв. конно-егерскаго (нынѣ л.-гв. драгунскаго) полка, Ренне, въ іюнѣ 1834 г., во время частнаго маневра возлѣ Краснаго Села. Во время кратковременнаго роздыха, въ отрядѣ генералъ-адъютанта Ушакова, при которомъ я состоялъ, генералы, нѣкоторые штабъ-офицеры, адъютанты и пр. собрались къ завтраку у генерала Ушакова. Зашла рѣчь объ императорѣ Павлѣ I и полковникъ Ренне, уже гаслужившій, разсказалъ слѣдующее: разъ, лѣтомъ или осенью, Павелъ I назначилъ двухъ-сторонній маневръ въ Павловскѣ: одинъ отрядъ долженъ былъ гаковать и штурмовать крѣпость Маріенталь (Бипъ—тожъ), а другой, подъ на-

чальствомъ коменданта крѣпости, генералъ-маіора (нѣмецкой фамиліи котораго не припомню)—защищать крѣпость и, по приказанію Павла I, не сдавать ея до назначеннаго часа (кажется—12-ти часовъ дня) ни въ какомъ случаѣ, даже еслибы самъ Павелъ I приказалъ. Приказанія объ этомъ были отданы наканунѣ дня маневра, а въ этотъ день съ утра, какъ на бѣду, пошелъ и не переставалъ идти дождь. Атакующій отрядъ, при которомъ находился Павелъ I, производитъ атаку, комендантъ защищается, дождь льетъ какъ изъ ведра, войска промокли, промокъ и Павелъ I, и посылаетъ коменданту приказанія спустить флагъ и подъемный мостъ и отворить ворота. Но комендантъ, ссылаясь на приказаніе самаго государя, отданное наканунѣ, не сдается и только съ послѣднимъ ударомъ крѣпостныхъ боевыхъ часовъ въ назначенный для сдачи часъ, спускаетъ флагъ и подъемный мостъ, отворяетъ ворота и выходитъ на встрѣчу государя. Павелъ I, тутъ же на мосту, объявляетъ, что за точное исполненіе комендантомъ первоначальнаго приказанія, отданнаго наканунѣ, производитъ въ генералъ-лейтенанты, а за неисполненіе имъ втораго приказанія сдаться въ этотъ день, приказалъ: посадить коменданта верхомъ на шлагбаумѣ крѣпостнаго моста, поднять шлагбаумъ и продержать на немъ коменданта на 1 часъ времени подъ дождемъ. Это также были, со стороны Павла I, и милость и шутка.

III.

По случаю ежегодныхъ поѣздокъ императора Александра Павловича по Россіи, послѣ 1815 г., заблаговременно передъ тѣмъ составлялся подробный маршрутъ поѣздки и снимались подробные же топографическіе маршруты, въ большомъ масштабѣ, на 1 или 2 версты, по обѣимъ сторонамъ дорогъ, по которымъ государь долженъ былъ проѣзжать. Маршруты эти снимались лучшими съемщиками и рисовальщиками ситуаціи изъ числа офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба и квартирмейстерской части. Снятые ими маршруты государь въ путешествіи всегда имѣлъ при себѣ, въ своемъ экипажѣ, и внимательно слѣдилъ по нимъ за мѣстностью и всѣми мѣстными предметами на ней. Въ 1825 году, послѣднемъ въ его царствованіи и жизни, онъ назначилъ поѣздку на нижнюю Волгу и оттуда степями къ Азовскому морю, въ Крымъ и наконецъ въ Таганрогъ. Составленіе маршрутовъ по дорогамъ этой поѣздки было возложено на трехъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба: Шёнига, Тучкова и Кожевникова, отличныхъ съемщиковъ и рисовальщиковъ ситуаціи. Они постоянно находились въ составѣ свиты государя, во время поѣздки его и пребыванія въ Таганрогѣ, до самой кончины его. Вотъ что неоднократно разсказывалъ мнѣ покойный Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ о времени пребыванія въ свитѣ Александра Павловича въ Таганрогѣ.

— „По окончаніи съемки маршрутовъ, мнѣ было предписано лично вручить оные Дибичу при проѣздѣ его съ Государемъ черезъ станцію Прискуху въ Псковской губерніи. На этой станціи, въ послѣдніе дни августа 1825-го года, я дождался прибытія Императора Александра. Здѣсь я имѣлъ случай въ первый разъ говорить съ Государемъ, человѣкомъ завлекательной наружности съ невыразимо пріятными формами обращенія. Онъ спросилъ меня о родствѣ моемъ съ генералами Тучковыми, говорилъ, что зналъ мою бабушку и назвалъ ее по имени, сказавъ, что помнитъ ее. Потомъ лично далъ приказанія на счетъ по-

рученія моего въ Астрахань и благосклонно простился со мною. Здѣсь Государь ночевалъ. На другой день я еще разъ видѣлъ его при отъѣздѣ съ ночлега и онъ еще разъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Вслѣдъ за нимъ я скакалъ курьеромъ и поворотилъ черезъ Дорогобужъ и Москву въ Астрахань.

Въ Астрахани я имѣлъ порученіе собрать свѣдѣніе о сообщеніи между гор. Уральскомъ и Астраханью и способахъ проѣзда Государя Императора въ томъ краѣ. Всѣ сіи свѣдѣнія, какъ равно и статистическое описаніе губерніи, я отправилъ по эстафетѣ въ Таганрогъ. Дибичъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 23-го сентября 1825 года, изъявилъ особенную благодарность за исполненіе этого порученія, и собственноручно приписалъ нѣсколько строкъ, весьма лестныхъ. Въ предписаніи же его отъ 26-го сентября 1825 года, приказывая отправиться изъ гор. Царицына (гдѣ я кончилъ съемку топографическихъ маршрутовъ) въ Таганрогъ, заключаетъ свое предписаніе словами: „При чемъ нужнымъ считаю вамъ повторить: работою не слишкомъ торопиться, но беречь здоровье ваше".

Привожу это какъ примѣръ попеченія и вниманія начальника, каковъ былъ Дибичъ, и какихъ рѣдко послѣ встрѣчали въ нашей службѣ. По предписанію этому я, наконецъ, прибылъ въ Таганрогъ и остановился съ товарищемъ моимъ Шенихомъ. На другой день я отправился являться къ Дибичу. Идя по узкому тротуару Таганрогской грязной улицы и остановясь противъ воротъ одного дома, я спросилъ женщину, шедшую по двору: „Не здѣсь-ли живетъ генералъ Дибичъ?" и вмѣсто отвѣта вдругъ почувствовалъ, что кто-то взялъ меня за оба плеча сзади, а потомъ, указывая на сосѣдній домъ, говоритъ: „Дибичъ живетъ въ этомъ домѣ". Узнавъ голосъ Государя, я хотѣлъ сойти съ тротуара, чтобы дать мѣсто; но Государь, не пуская меня, поздоровался и спрашивалъ объ окончаніи моего порученія. Потомъ вышелъ изъ грязи на тротуаръ и пошелъ далѣе, указавъ мнѣ еще разъ домъ Дибича.

Въ другой разъ мы сидѣли подъ окномъ съ Шенихомъ и глядѣли на пьянаго гарнизоннаго офицера, никакъ непопадавшаго на тротуаръ. Посмотрѣвъ въ противную сторону, мы замѣтили Государя, идущаго къ нему на встрѣчу противъ нашихъ окошекъ. Государь, поровнявшись съ нимъ, спросилъ его:

— „Гдѣ ты живешь? пойдемъ, я доведу тебя, а то, если тебя встрѣтитъ Дибичъ въ этомъ положеніи, тебѣ достанется, онъ престрогій", взялъ его подъ руку и повелъ въ первый переулокъ.

Можно вообразить, что пьяный офицеръ, узнавъ Государя, скоро протрезвился.

Во время пребыванія Государя въ Таганрогѣ, онъ ежедневно прогуливался пѣшкомъ и рѣдко прогулка его не была ознаменована какою нибудь помощью бѣдному семейству, отысканному имъ самимъ, или какимъ нибудь благодѣяніемъ другаго рода.

Государю вздумалось, однажды, сдѣлать неожиданное удовольствіе Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, открывъ видъ на море въ городскомъ саду, гдѣ Государыня часто прогуливалась и хотѣла проложить новую дорожку къ сему нагорному берегу. Государь приказалъ спросить кого нибудь изъ насъ, не возьмемъ ли мы на себя распорядиться этою работою и тотъ, кто пожелаетъ, явился бы на другой день въ садъ, гдѣ найдетъ самаго Государя. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мы были счастливы исполнить желаніе Государя, но такъ какъ надо было одного только, то я, какъ старшій, получилъ приказаніе явиться въ садъ. Съ очаровательною любезностью Государь объяснилъ свое желаніе и велѣлъ взять людей изъ рабочаго баталіона, съ тѣмъ чтобы къ слѣдующему

утру работа была готова. На другой день, едва все было отдѣлано, Государь прибылъ въ садъ, дошелъ по новой дорожкѣ до берега моря и полюбовался видомъ, поблагодарилъ меня и приказалъ дождаться на этомъ мѣстѣ Императрицы, а самъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Черезъ короткое время Государь съ Императрицею, прогуливаясь по саду, подошли къ новой дорожкѣ и Императрица узнала вниманіе Государя къ желанію ея, ибо она нѣсколько разъ изъявляла сожалѣніе, что въ саду закрытъ видъ на море. Послѣ изъявленія чувствъ своихъ, Государь поцѣловалъ у нея руку и они долго, любовались видомъ. Потомъ Государь представилъ меня Императрицѣ, и когда она удалилась, Государь подозвалъ меня, поблагодарилъ еще разъ и, вынувъ изъ кармана коробочку съ перстнемъ, вручилъ мнѣ, сказавъ: „вотъ тебѣ на память за труды твои". И въ этомъ прояснялась утонченность чувствъ Государя; онъ считалъ работу эту внѣ обязанностей службы и хотѣлъ наградить безъ формы офиціальности.

Жизнь въ Таганрогѣ имѣла особенный характеръ. Государь жилъ какъ частный человѣкъ, безъ свиты и придворнаго этикета, и никто изъ служащихъ безъ особеннаго приказанія не могъ пріѣхать въ его уединеніе.

Мы приглашались иногда къ обѣду Государя и иногда видали Государя съ Императрицею въ клубѣ, гдѣ Государь танцовалъ польскій съ незнаменитыми горожанками Таганрога. Мы не знали, долго ли продлится пребываніе Императора въ этомъ городѣ и желали только, чтобы насъ оставили при его небольшой свитѣ.

Скоро Государь отправился въ Крымъ, и, по возвращеніи, слишкомъ скоро постигло событіе, поразившее Россію искреннею скорбію. Я былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Государя, былъ свидѣтелемъ бальзамированія его тѣла, дежурилъ при немъ и когда тѣло положено было на катафалокъ въ залѣ, то у подножія его стоялъ на часахъ. Видѣлъ, какъ нѣсколько разъ въ теченіи ночи Императрица, изсохшая въ теченіи нѣсколькихъ дней, безъ слезъ и рыданій, въ черномъ одѣяніи, откидывала покрывало свое, входила на ступени гроба и долго, долго не сводила глазъ съ усопшаго супруга".

IV.

Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ.

Однажды, въ 1860-хъ годахъ, одинъ пріятель мой, котораго я навѣстилъ, показалъ мнѣ небольшую фотографическую карточку, говоря: „Посмотрите, не найдете ли сходства съ кѣмъ-нибудь, вамъ извѣстнымъ?"—Смотрю—и вижу: великаго роста и благолѣпнаго вида старецъ, съ обнаженною отъ волосъ головою, въ бѣлой крестьянской рубахѣ, опоясанный пояскомъ, съ обнаженными ногами, стоящій среди крестьянской хижины. Лице—прекрасное, кроткое, величественное; никакого сходства ни съ кѣмъ припомнить не могу. Наконецъ пріятель мой спрашиваетъ меня: „Не находите ли сходства.... съ покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ?" Я крайне удивился—началъ пристальнѣе всматриваться и, точно, сталъ по немногу находить нѣкоторое сходство и въ чертахъ лица, и въ ростѣ, но я недоумѣвалъ, что значили эти борода, одежда, хижина? Тогда пріятель разсказалъ слѣдующее:

— „Карточку эту далъ мнѣ, предложивъ тѣ же вопросы, что и я вамъ, одинъ пріятель мой, долго жившій въ Сибири, и недавно пріѣхавшій оттуда. Онъ разсказалъ мнѣ при этомъ, что по общему въ Сибири, въ то время, народ-

ому повѣрью, послѣ смерти императора Александра Павловича, въ одномъ
ухомъ мѣстѣ Западной Сибири водворился неизвѣстный отшельникъ и за-
ворникъ или—какъ народъ нашъ называетъ—„блаженный“. Въ лѣсу, вдали
ъ человѣческаго жилья, въ совершенномъ затворничествѣ, въ малой хижи-
ѣ, жилъ онъ въ безвѣстности. Вскорѣ въ народѣ стала болѣе и болѣе рас-
ространяться молва о „блаженномъ“ затворникѣ и привлекать къ нему народъ.
атворникъ, однако, не впускалъ къ себѣ никого, исключая весьма рѣдкихъ слу-
евъ, и то немногихъ, тяжко страдавшихъ тѣлесными или душевными недугами;
ри этомъ затворникъ впускалъ, по одиночкѣ, прибѣгавшихъ къ нему, инаго—
небольшія сѣни, а инаго—и въ свою убогую келію. И тогда всякаго сразу
ражала какая-то необыкновенная величавость во всей наружности затвор-
ка, въ благолѣпныхъ чертахъ лица, и въ кроткихъ глазахъ, и въ обаятель-
омъ звукѣ голоса, и въ чудныхъ рѣчахъ, и во всѣхъ пріемахъ и движе-
яхъ... Все это производило на посѣтителей такое впечатлѣніе, что всѣ не-
ольно преклоняли передъ затворникомъ колѣни и кланялись ему въ землю.
о говору народному, затворникъ имѣлъ какой-то особенный даръ утолять
раданія, не только тѣлесныя, но и душевныя, или словеснымъ наставле-
емъ и указаніемъ способа изцѣленія, или же прозорливымъ предсказаніемъ
томъ. Въ числѣ стремившихся посѣтить его случилось быть одному по слѣ-
ющему случаю, какъ гласила народная молва. Въ той же мѣстности жили
ое бывшихъ придворныхъ служителей: одинъ изъ нихъ опасно заболѣлъ и, не
ѣя возможности самому отправиться къ затворнику, упросилъ своего то-
рища посѣтить его и испросить у него помощи или указанія средства
цѣленія больнаго. Товарищъ его, при помощи одного человѣка, имѣвшаго
ступъ къ затворнику, былъ принятъ послѣднимъ въ его келіи, провожатый
остался въ сѣняхъ. Посѣтитель, только что вошелъ въ келію, тотчасъ бро-
ился въ ноги затворнику и, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшею
ловой, съ невольнымъ страхомъ разсказалъ ему въ чемъ было дѣло. Кон-
въ, онъ чувствуетъ, что затворникъ обѣими руками своими поднимаетъ его,
въ то же время онъ слышитъ, и не вѣритъ ушамъ своимъ—чудный, кроткій,
акомый ему голосъ.... Встаетъ, поднимаетъ голову, взглянулъ на затвор-
ка—и съ крикомъ, какъ снопъ, повалился безъ чувствъ на землю.. Затвор-
къ отворилъ дверь въ сѣни и кротко сказалъ провожатому: „Возьмите и
несьте его бережно, онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы
ъ никому не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ; больной же товарищъ
выздоровѣетъ“, (что дѣйствительно и случилось). Очнувшійся же и опра-
вшійся не могъ утаить отъ своихъ провожатаго и отъ товарища, что въ
дѣ затворника онъ узналъ.... императора Александра Павло-
ча, но престарѣлымъ и съ сѣдою бородой!... Не смотря на запрещеніе
творника, тайна эта, повѣданная только провожатому и товарищу, огласи-
ь,—и въ простомъ народѣ въ Западной Сибири распространилась молва, что
творникъ былъ—императоръ Александръ Павловичъ!... „Вотъ“, заключилъ
бѣжій изъ Сибири—„что, по крайней мѣрѣ, гласила въ ней народная молва
же безъ убѣжденія. Нѣтъ сомнѣнія, что поводомъ къ ней послужило совер-
нно случайное сходство въ наружности и голосѣ затворника съ императо-
мъ Александромъ Павловичемъ, и что народная молва объ этомъ съ довѣ-
мъ принята была нашимъ слишкомъ легковѣрнымъ народомъ, чему столько
обныхъ примѣровъ не разъ бывало у насъ, и въ смутное время самозван-
въ, и въ Пугачовщинѣ, и въ сказкѣ о „попѣ съ козлиной бородой“ на Ка-

занской площади, послѣ 14-го декабря 1825 г. и т. п. Опровергать же тождество затворника съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, которое, конечно, не могло имѣть мѣста, совершенно излишне".

Кн. Н. С. Голицынъ.

любезный другъ, что наученный несчастіями я никогда не престану вѣрить, что есть на свѣтѣ люди, (правда, что число ихъ весьма ограниченно), которые въ привязанностяхъ своихъ не смотрятъ и не разбираютъ ни счастья, ни униженія. Таковы были вы со мною въ Нижнемъ и я увѣренъ таковы же останетесь на вѣки. Сей самый образъ мыслей ручается вамъ и за меня. Судьба моя имѣла ту примѣчательную странность, что я не потерялъ во все сіе время ни одного друга; и напротивъ приобрѣлъ еще нѣсколько новыхъ; и сіе приобрѣтеніе, подобно какъ дѣти въ старости, есть самое привлекательное и драгоцѣнное.

Примите свидѣтельство совершеннаго моего почитанія и приверженности, съ коими на всегда буду вашъ покорнѣйшій и усерднѣйшій слуга М. Сперанскій".

Въ Пензѣ.
16-го генв. 1817 г.

II.

Пенза, 13-го августа 1818 года.

„Не знаю, любезный мой Дмитрій Борисовичъ, чтó вы заключили о молчаніи столь долговременномъ на письмо столь обязательное и любезное. Я и самъ еще не понимаю, какъ не отвѣчалъ вамъ цѣлой мѣсяцъ. Временная моя отлучка и подробное повѣствованіе разныхъ мѣлочей, тутъ встрѣтившихся, не уменьшаютъ моей вины.

Дочь моя весьма вамъ благодарна за предложеніе быть воспріемницею вашей новорожденной, или новорожденнаго. Но чемъ (sic) Богъ васъ обрадовалъ! Увѣдомленіе ваше будетъ мнѣ свидѣтельствомъ, что вы забыли мою вину и новымъ доказательствомъ вашей ко мнѣ дружбы.

Примите увѣреніе въ искреннемъ почитаніи, съ коимъ всегда честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ и усерднѣйшимъ слугою М. Сперанскій".

Сообщ. **М. Н. Любощинскій.**

Digitized by Google